Очередная деталь туалета напоминала юбку шотландского горца – туго стягивающий талию кильт, доходивший до колен. Затем Роман натянул легкую рубаху, ткань которой слегка раздалась, облегая его могучие плечи и грудь. Более плотное одеяние – фуфайка из тексина, похожая на кольчугу – тоже пришлась ему впору. Наконец он поднял латы с массивным нагрудником и в изумлении уставился на него. Переднюю, часть доспеха украшали две большие выпуклости, ошибиться в их назначении было невозможно. Этот панцирь был сделан для женщины – крупной женщины с большой грудью!

Роман испытующе посмотрел на ньютера, но тот оставался совершенно спокойным и не выказывал никакого интереса к сему удивительному открытию. Внезапно Роман понял, в чем дело Если Мойна ни разу а жизни не видел мужских гениталий, то весьма вероятно, что женская грудь оставалась для него такой же тайной за семью печатями.

Разведчик швырнул панцирь на пол и ударом ноги попробовал выровнять коварные выпуклости. Тексин поддался его усилиям и вскоре довольный Роман застегнул на спине ремни доспеха. Надев шлем с высоким плюмажем, он приступил к изучению оружия, чрезвычайно разнообразного по форме, но изготовленного из уже знакомого ему материала – мейна, тексина или дьявол знает, как тут еще именовали это вещество. Роман решил называть его пластиком.

Оружие являлось одним из его давних увлечений – еще с юношеских времен, задолго до того, как он начал работать на генерала. Он был членом медиевального клуба и не раз в прекрасную летнюю пору устремлялся, чтобы сойтись с другими любителями старины в поединке на мечах, булавах или секирах. Роман отлично разбирался в такой средневековой экзотике, как арбалеты, колесные замки и катапульты, впрочем, автоматом и винтовкой М16 он тоже владел в совершенстве. Однако сейчас, хотя его взгляд привычно улавливал знакомые очертания и формы, он был вынужден признать: такого оружия ему никогда не доводилось видеть прежде.

Перед ним лежали похожие на рапиры мечи с длинными тонкими лезвиями, сабли, ятаганы, прямые и широкие клинки, напоминавшие пехотный тесак – все сделанное из серебристого пластика. Его поразила прекрасная заточка режущих кромок – казалось, этот материал не уступает лучшим сортам стали. Наконец Роман выбрал рапиру в ножнах на перевязи и повесил ее через плечо. Он вытащил узкий клинок и сделал несколько выпадов, с радостью ощущая в руках оружие.

Мойна терпеливо наблюдал за ним. Видимо, он не боялся или не понимал, для чего служит эта длинная острая штука. Роман сунул меч в ножны и направился к длинному ряду трубок, расположенных вертикально в стойке около одной из стен. Рядом торчал огромный раскрытый ящик, наполненный тонкими остроконечными пластиковыми стрелами. Ему понадобилось не более тридцати секунд, чтобы понять их назначение.

Трубки были пневматическими ружьями. Роман нашел маленький рычаг, при помощи которого воздух нагнетался в ствол, и с силой потянул его. Оружие не имело приклада – казенная часть заканчивалась диском со спусковым крючком внутри. Он нажал на спуск и трубка глухо щелкнула.

Разыскав шомпол, Роман загнал в ствол стрелу и опять надавил рычаг. Потом он направил трубку на большой щит, висевший на противоположной стене, и коснулся спуска. Вжик-бамм! Стрела вошла в щит дюйма на два. Он с трудом вытащил ее и осмотрел наконечник – казалось, острие покрыто тонким слоем какой-то темной массы. Яд? Наркотик? Впрочем, и так было ясно, что на небольшом расстоянии пневматическая трубка являлась весьма эффективным оружием.

Однако он инстинктивно чувствовал, что весь этот арсенал – седая древность; сабли, шпаги, доспехи и мечущие стрелы трубки брошены за ненадобностью в старом подземелье, забытые и никому не нужные. Но в его положении не приходилось выбирать; оставалось довольствоваться тем, что есть, и полагаться на удачу.

Мойна без всякого интереса следил за его исследованиями. Роман все больше склонялся к мысли, что ньютер никогда не видел оружия, не знал о его предназначении и, видимо, не испытывал страха. Однако он боялся – панически боялся уничтожения. Значит, ньютеров убивают не оружием…. Но как?

Роман повернулся к большому диску в центре зала. Какой ужас внушала круглая площадка его спутнику! Что это – жертвенник?.. алтарь неведомого божества?.. Какое-то устройство? Любопытство мучило Романа, и он уже собирался подробнее заняться таинственным диском, когда впервые увидел зеркало.

Идеально отполированное, оно тоже было сделано из пластика. Он коснулся гладкой поверхности, чистой, словно чьи-то заботливые руки совсем недавно протерли ее. Его лицо, решительное, смуглое и худощавое, призрачным видением выплыло из зеркальной глубины. Привычные черты: однако, в глазах, в морщинках на лбу, в складках у твердо сжатого рта таилось что-то незнакомое, будто новый мир уже наложил свою печать на облик пришельца. Его прикосновение было зыбким, неясным, как легкое дуновение утреннего бриза, предвестника урагана. Роман покачал головой. Язык, которым он овладел столь стремительно… неясное ощущение опасности… томительное предчувствие беды…. Да, разум его изменился; реальность Тарна капля за каплей просачивалась в мозг, приспосабливая чуждое существо к своим законам.

Он отступил на метр. Шлем с высоким гребнем, пластинчатые латы и юбочка придавали ему вид римского легионера. Роман улыбнулся своему отражению, выбросив из головы мрачные мысли. Античный воин, могучий, закованный в бронзу, точно как на картинках в учебнике истории…. Как идут ему эти доспехи? Его губы опять дрогнули в улыбке. В конце концов, он никогда не отрицал, что обладает некоторой долей тщеславия…. Повернувшись к зеркалу спиной, Роман быстрыми шагами направился к площадке в центре зала. Пришла пора разобраться с этой загадкой, и он был настроен весьма решительно.

Он встал у самого края диска и, не спуская глаз с Мойны, выхватил меч. Ньютер опять повалился на колени, закрыл ладонями лицо, сжался, уткнувшись лбом в холодный каменный пол. Свистнул гибкий клинок, полосуя пространство над площадкой – раз, другой… Ничего не случилось. Роман бросил быстрый взгляд на невольного участника своего эксперимента. Ньютер, не подымая головы, испускал отрывистые всхлипы; он не осмеливался смотреть ни на Романа, ни на матовый диск, внушавший ему такой ужас. Сквозь эти невнятные причитания разведчик с трудом разобрал слова:

– Нет, господин! Не надо! Экраны. Я был покорным…. Я подчинялся…. Нет! Не надо! Не надо!

Роман начал терять терпение.

– Чего ты боишься? – гаркнул он. – Смотри! Смотри на меня!

Он шагнул в центр платформы.

Ничего не произошло Абсолютно ничего. Роман усмехнулся Мойне и вышел из круга

– Вот видишь – бояться нечего. Ты все придумал. Подымайся, и пойдем дальше.

Ньютер перевел взгляд с возбужденного лица Романа на круглую площадку и покачал головой.

– Ты пребываешь в неведении, господин. Ты, стоящий на высшем уровне! Разумеется, всему виной твоя болезнь. Ты о многом забыл. О том, что опасность подстерегает не тебя – мне, мне грозит расплата! Пойдем скорее! Покинем это место. Мы проверим, ведет ли тоннель дальше, к Сторожевым Башням. Больше я ничем не могу тебе помочь.

Мойна поднялся на ноги и, боязливо обойдя площадку, заторопился в дальний конец зала, к зиявшей пасти прохода, Роман посмотрел на матовый диск, задумчиво покачал головой и направился вслед за ньютером. Он не любил, оставлять за спиной неразгаданные тайны.

В пяти метрах от входа, стены коридора сужались, образуя невысокую арку. Мойна уже шагнул под низкий свод, когда вспышка голубого пламени разорвала полумрак. Ньютера отбросило назад, и он рухнул у ног Романа.

Разведчик склонился над распростертым на каменных плитах телом. Мойна был жив, но не пытался, ни встать, ни пошевелиться. Он смотрел на своего господина, и крупные слезы текли по его гладким щекам.

– Хончо, – прошептал ньютер, – это Хончо! Он нас увидел. Мы в западне, господин. Занавес, волшебный занавес! Не пройти…

Роман перешагнул через скорчившееся на полу тело. Последние слова ньютера объясняли все. Несомненно, Мойну отбросил какой-то энергетический экран, перекрывший выход из зала. Но подействует ли этот незримый заслон на него?

Он решительно направился к арке. Вспышка! Его отшвырнуло назад, сбило с ног, словно порывом ураганного ветра. Он не почувствовал ни боли, ни ожога – только резкий толчок колоссальной силы. В руке невидимого великана он был беспомощен как муха, попавшая в тайфун.

С минуту Роман лежал на полу, проклиная свою глупую браваду. Что теперь делать? Не стоило трогать этот диск.

Он поднялся на ноги и поглядел на Мойну. Тот, всхлипывая от ужаса, тянул трясущуюся руку к площадке в центре зала. Воздух над ней сгустился, превратившись в завиток голубоватого тумана, затем начал уплотняться, формировать неясные контуры человеческой фигуры. Роман, позабыв о страхе, смотрел как зачарованный. Казалось, чья-то огромная кисть наносит в воздухе широкие быстрые мазки, облекая скелет плотью, цветом, реальным бытием. Материализация шла все скорее, и он уже не сомневался в том, чья фигура колебалась и дрожала над матовой поверхностью диска.

Это был другой ньютер. Обнаженный, как и Мойна, с такой же гладкой кожей на груди и внизу живота, с едва заметным волосяным покровом на плечах и бедрах. На этом сходство заканчивалось. Незнакомец был гораздо крупнее Мойны, его голова казалась гладко выбритой, череп с развитыми височными долями принадлежал, несомненно, высоко разумному существу. Холодный ум и хитрость светилась в его зеленых глазах.

Мойна на коленях пополз к площадке, и начал биться головой о пол. Поток бессвязных оправданий слетал с его губ – словно скулила собака, почуявшая палку хозяина.

– Хончо, о Хончо! Прости меня! Прости, Хончо! Я поступил, как велит закон! Я не мог ослушаться! Ты же знаешь, Хончо! Ты знаешь!

Хончо сошел с площадки, не обращая внимания на Романа, зеленые глаза ньютера были устремлены на жалкую фигурку, припавшую к полу. Роман не двигался, пораженный чудом, что свершилось на его глазах, но разум и инстинкт уже били во все колокола, предупреждая разведчика об опасности. Он заметил, что на шее у вновь прибывшего висела цепь – очевидно, знак его ранга. Камни, оправленные в вездесущий пластик, даже при слабом освещении играли и искрились как бриллианты. Бриллианты размером с грецкий орех!

Хончо подошел к скулившему в ужасе Мойне, остановился и посмотрел на него. Лицо его было спокойным, только чуть сузились глаза с яркими зелеными зрачками. Он протянул руку и похлопал Мойну по плечу.

– Сколько хроносов? – Его голос был глубоким, звучным.

– Только двести, Хончо! Еще не прошло и половины срока! Я умоляю, Хончо! Я…

Высокий ньютер обхватил подбородок длинными тонкими пальцами, нахмурился и застыл, не отрывая от Мойны пристального взгляда. В его глазах Роман не заметил ни жалости, ни снисхождения, ни гнева. Равнодушный и холодный, он сосредоточенно размышлял над чем-то.

Наконец Хончо произнес:

– Прости, Мойна. Это действительно не твоя вина, готов признать. Ты выполнил волю господина, который присутствует здесь, как и предписано законом. Ты оказал ему почтение, что обязан сделать и я сам.

Ньютер обернулся к Роману, словно впервые заметил его, и склонил голову.

– Прими мое почтение, господин. Я – Хончо, хронос 4006АН, первый ряд, первый отбор. Хронос уничтожения – восемьсот. Все данные указаны здесь, и я предъявляю их, как велит нам закон.

Он поднял руку и указал на вживленную в тело белую плакетку – точно так же, как раньше это сделал Мойна. Впрочем, не совсем как Мойна, решил Роман. Тон рослого ньютера выдавал плохо скрытые презрение и надменность, и его небрежное движение напомнило Роману повадку многоопытного капитана, который нехотя отдает честь юному лейтенанту. Формальность, не больше, маскирующая недоверие и ненависть.

Хончо заговорил снова.

– У меня четырнадцатый уровень разума, господин. Я – принципат этого право. Прими еще раз мое почтение, господин. Надеюсь, ты простишь меня – я должен заняться Мойной. – Зеленые глаза Хончо были прищурены, на тонких губах играла пренебрежительная улыбка.

В этот момент Роман понял, что перед ним враг.

Хончо снова повернулся к сжавшемуся от страха Мойне и повелительно указал на круглую площадку.

– Иди туда! Я, принципат право, приказываю тебе!

Из глаз Мойны хлынули слезы. Опираясь на локти и колени, он медленно пополз к площадке, будто побитый пес. У края матового диска ньютер обернулся и бросил на Романа обреченный взгляд. Разведчик почти физически ощутил неимоверное усилие, с которым Мойна пытался разорвать привычные узы покорности и страха. Он протянул руки к Роману и взмолился.

– Господин, о господин мой! Ты обещал,… ты хотел увеличить отпущенный мне срок. Помоги же теперь! Спаси меня!

Второй ньютер шагнул в сторону, выражение спокойной уверенности проступило на его лице – уверенности и легкого презрения, с которым он глядел на Мойну и его господина.

Роман внезапно пришел в себя. То, что происходило сейчас, явно не было игрой, существо, которое доверилось ему, которому он обещал защиту, молило о помощи. Выхватив меч, разведчик одним прыжком очутился между Хончо и Мойной.

– За него отвечаю я, – резко произнес Роман. – Мойна выполнял мой приказ. Я вижу, Хончо, тебе непременно надо кого-то наказать – тогда накажи меня, если посмеешь!

Они замерли друг против друга. Роман, угрожая клинком, внимательно следил за реакцией Хончо. По правде говоря, он не имел ни малейшего представления о том, как могут развернуться события дальше. Ясно было одно – он попал в переделку. В такой ситуации оставалось только положиться на инстинкт.

На миг замешательство и сомнение мелькнули на лице ньютера. Затем он рассмеялся.

– Забавное положение, не так ли, господин мой? – в его голосе звучала насмешка. Он бросил взгляд на Мойну. – Я сказал – иди! Пока что к тебе проявлено снисхождение. Не подчинишься – будешь уничтожен по второй категории! Ты хочешь этого, Мойна?

Мойна всхлипнул и заполз на площадку. Ярость охватила Романа, первобытная ярость и жажда крови, что делали его столь опасным противником. Клинок со свистом разрезал воздух, он прыгнул вперед и нанес удар – глубокий выпад, нацеленный прямо в сердце Хончо. И в тот момент, когда лезвие коснулось груди ньютера. Роман ощутил пьянящую вспышку победного торжества – словно зверь, сомкнувший клыки на горле врага.

Затем он покатился по каменным плитам, меч выпал из его рук и со звоном отлетел к стене. Клинок, не встретивший сопротивления живой плоти, был чистым; Роман пронзил воздух, привидение, призрачный фантом.

Хончо, невредимый, стоял в десяти ярдах по другую сторону матового диска, с иронией взирая на противника.

– Забавное положение, мой повелитель, – зеленые глаза ньютера были прищурены, голос источал яд. – В такое даже трудно поверить! Ты хотел убить симлу? Или ты не в своем уме, или выпил слишком много слипа. А может… Ладно, мы поговорим об этом позже. Мойна!

Роман выругался и встал, скрипнув зубами. Он кипел от ярости, понимая, что здесь не помогут ни его сила, ни опыт дуэлянта. Этот Хончо был иллюзией, духом, бесплотным фантомом, которого какой-то дьявольский прибор проецировал в подземную камеру. Настоящий Хончо, живой и неуязвимый, скрывался в другом месте – и там, в полной безопасности, хохотал над Романом Гилевым.

Мойна, дрожа и поскуливая, лежал ничком в центре платформы. Хончо – вернее, фантом, находившийся в зале – поднял руку. Роман понял, что, то был сигнал невидимому помощнику. Причитания Мойны внезапно оборвались. Маленький ньютер исчез; лишь над площадкой расплывалось облачко голубоватого тумана. В воздухе запахло горелым. Это был конец.

Не глядя на Романа, Хончо произнес:

– Уничтожен Мойна, хронос 4013АГ. Отметить ликвидацию в соответствии с правилами. – Казалось, он обращается к недвижным каменным стенам.

Роман поднял меч и сунул его в ножны. Он побежден, но не сломлен. Конечно, нельзя убить симлу, как назвал Хончо свое изображение. Но, рассуждая здраво, каждой симле должен соответствовать реальный участник игры. Живой ньютер. Настоящий Хончо. И до него можно добраться, если подождать благоприятного случая. Вопрос времени, не больше.

Хончо повернулся к Роману.

– А сейчас, господин мой, поговорим о тебе. Ты ответишь на мои вопросы. Ты – один из двадцати, не так ли? И ты сбежал из Клетки в Урсите?

Придется снова блефовать, решил Роман, так же, как с Мойной. Бедный глупыш!

– Да, – кивнул он, – все было так. Я сбежал, но подвернул ногу, свалился и сильно ушиб затылок. Что-то случилось с головой,… я почти ничего не помню.

Хончо с сомнением глядел на него. Однако Роман чувствовал – принципат до конца не уверен, что его кормят сказками. Казалось, он колеблется, не в силах сделать некий решительный шаг, который прояснил бы ситуацию. Наконец он протянул руку к юбочке, облегавшей талию Романа, и выдавил:

– Подними край. Я должен посмотреть.

Роман, молча, повиновался и обнажил гениталии. Ньютер изумленно приоткрыл рот, отступив на шаг. На какое-то мгновение Роман показалось, что сейчас он грохнется на колени и, подобно Мойне, воздаст божественные почести его фаллосу.

Но нет, этого не случилось. Зеленые глаза сузились еще больше, превратившись в едва заметные щелочки. Хончо кивнул головой, его длинные гибкие пальцы стиснули подбородок, на высоком лбу пролегли морщины. Роман запахнул килт, чувствуя, что этот раунд он проиграл.

Хончо сцепил руки за спиной и шагнул к разведчику. Теперь глаза ньютера светились в полумраке как два зеленых огонька. Медленно он обошел вокруг Романа, еще и еще раз рассматривая и изучая его со всех сторон. Внезапно он замер, склонив голову к плечу, и произнес:

– Ты не господин! В этом я совершенно уверен. Но ты – гомид, один из НИХ. Непостижимо! Я не понимаю этого – хотя должен, обязан знать все! Символы на моем теле лгут – мой уровень выше четырнадцатого, о чем ОНИ не догадывались никогда. Я должен понять, должен, – Хончо с силой потер безволосый череп, и этот жест, такой естественный для человека, пробудил у Романа неясные воспоминания.

– Тут какая-то тайна, великая тайна мне надо познать ее,… возможно, она приблизит меня к цели – голос Хончо затих, лишь тонкие бледные губы едва заметно шевелились, словно он что-то шептал самому себе.

Ладонь Романа легла на эфес; потом, нахмурившись, он резко отдернул руку. Перед ним стояло не живое существо – всего лишь симла, бесплотный фантом. В это было трудно поверить, но правила игры тут устанавливал не он.

Разведчик измерил взглядом тощую фигуру ньютера и пожал плечами.

– Ладно, Хончо, я скажу правду. Да, я не из ваших повелителей. Ты назвал меня гомидом – может быть, это так, хотя я не знаю, кого ты имел в виду. Я солгал тебе. С моей головой все в порядке, просто я чужой – чужой в вашей земле, в Тарне. – Он заставил себя улыбнуться, губы с трудом повиновались ему. – Прости, что я пытался убить тебя. Теперь я вижу, что встретил действительно разумное существо. А два разумных создания способны обо всем договориться. Ты узнаешь о моем мире, я – о твоем. И, быть может, мы станем друзьями.

Хончо задумчиво теребил подбородок.

– Странно, очень странно. Ты говоришь на нашем языке и мне понятно почти все…. Но некоторые слова… я их не знаю! Друзья? Что это значит?

Роман продолжал старательно улыбаться.

– Это значит, что мы не причиним, друг другу вреда окажем помощь. Будем работать вместе и действовать так, чтобы и ты, и я достигли того, к чему стремимся.

Ньютер медленно кивнул.

– Да, теперь я понимаю. И замечу, что ты вряд ли сумеешь причинить мне вред таким оружием, – он обвел рукой зал. – Древний хлам, которому миллион хроносов… Мы сохраняем это как реликвии или игрушки для солдат.

Роман не ответил. Интуиция подсказывала ему, что Хончо принял решение, и то, что говорилось сейчас, было всего лишь маскировкой, дымовой завесой, скрывающей мысли принципата. Внезапно Хончо едва заметно кивнул Роману, коснувшись губ указательным пальцем, словцо ставил на них незримую печать молчания. Он поднял голову и заговорил – повелительно, отрывисто, будто отдавал приказ каменным стенам подземелья.

– Отключить все следящие экраны в право Северного ущелья Я, принципат право, приказываю вам! – ритуальная формула громом раскатилась под нависшими сводами. – Информацию о последних минихроносах стереть! Думать об этом запрещено! Повторяю – запрещено! Исполните – во имя ВЫСОЧАЙШЕГО и ЕГО воли!

Ньютер резко хлопнул в ладоши, и Роман почти физически ощутил, как что-то вокруг изменилось, – вероятно, исчезли невидимые слушатели и наблюдатели. Лишние уши и глаза были не нужны Хончо.

Фантом повернулся к нему стройный, худощавый, неотличимый от живого существа в своей призрачной реальности.

– Пойдем, – он кивнул в сторону матового диска. – Через миг мы окажемся там, где сможем поговорить наедине.

Роман колебался; это непостижимое устройство пугало его. Губы Хончо искривились в усмешке.

– Ты боишься? Того, что случилось с Мойной? Напрасно. Сейчас установка работает в режиме обычной телепортации, а не уничтожения. Иди смелей, все будет в порядке. Ведь мы друзья, не так ли?

Роман осторожно ступил на площадку. Теперь, когда он находился на расстоянии вытянутой руки от Хончо, поразительная реальность фантома уже не могла обмануть его. Хотя иллюзия оставалась безупречной, отсутствовало ощущение живой, теплой, наполненной кровью плоти. Не удержавшись, он провел ладонью на уровне груди, кончики пальцев задели изображение, бесследно прошли сквозь него, словно через столб раскрашенного дыма.

Хончо тихо рассмеялся.

– Значит, ты ничего не понял. Такую простую вещь! Теперь я убедился: ты

– не ОН!

Роман поднял удивленный взгляд.

– О чем ты говоришь?

– Ты – не Мазда! Ты – не ТОТ, КТО ПРИДЕТ К НИМ! Если бы ты был Маздой, то обладал даром всеведения.

– Что об этом толковать? Мы только запутаемся в недосказанном и неясном, – произнес Роман. – Давай, как ты предложил, обсудим все наедине и не торопясь. Полагаю, тогда мы лучше поймем друг друга.

Они стояли лицом к лицу, и Роман без стеснения разглядывал своего недавнего противника. Еле заметный пушок золотился на гладких щеках ньютера; его зубы, узкие и чуть удлиненные сверкали ослепительной белизной, а прищуренные глаза казались глубокими колодцами, полными изумрудного сияния. Непостижимая природа этого существа смущала Романа. Кто были его предки? Выращенные людьми андроиды или мутанты, появившиеся в результате естественной флуктуации? Впрочем, ньютер был бесполым, так что следует говорить о предшественниках, а не предках, подумал Роман.

Звучный голос Хончо нарушил тишину.

– Я скажу тебе еще кое-что, – с расстановкой произнес ньютер. – Я знаю, что ты не Мазда, и ты тоже знаешь об этом. Но ОНИ – ОНИ не знают ничего! И если я объявлю тебя Маздой, то ты им станешь. Ты станешь ТЕМ, КТО ПРИДЕТ К НИМ. Ясно?

Роман никогда не отличался склонностью к конформизму – тем более сейчас, когда он чувствовал, что поспешное согласие может сильно уронить его акции. Кажется, ему навязывают роль божества; однако прежде, чем принять ее, он хотел бы заглянуть в финал пьесы. Судьба некоторых богов была весьма печальной.

– Посмотрим, – буркнул он. – Сейчас я ничего не стану обещать.

– Разумеется, – тон ньютера оставался спокойным. – Сначала мы поговорим. Садись – так будет удобнее.

Роман удивленно вскинул голову. Еще мгновение назад он стоял на матовом диске в древнем подземелье, всматриваясь в лицо Хончо. Теперь же ньютер – вернее, его фантом, – исчез, а сам Роман очутился посреди большой комнаты с высоким потолком. Откуда-то доносились едва слышные звуки музыки, ноги Романа попирали пушистый светлый ковер, сотканный из мейна, воздух, после знобкого холода каменного склепа, казался теплым и бодрящим. По периметру комнаты тянулись шкафы с резными ручками; в центре, прямо перед ним, находился большой

вытянутый стол, из-за которого выглядывали спинки кресел. В одном из них в свободной позе расположился Хончо.

– Садись, – повторил он, улыбаясь, однако зеленые глаза ньютера пронизывали Романа насквозь.

Разведчик осторожно шагнул к креслу. Кто был перед ним? Настоящий Хончо– во плоти и крови – или очередной фантом?

Ньютер понял причину его колебаний. Он поднялся и протянул над столом руку, покрытую редкими рыжеватыми волосками.

– Потрогай.

Их ладони встретились. Пальцы ньютера были холодными и неожиданно хрупкими – почти такими же, как у Мойны.

Роман опустился в кресло. Хончо сел – внимательный, настороженный; тонкие губы растянуты в улыбке.

– Как видишь, перед тобой не симла.

– Да, вижу, – кивнул Роман.

– Отлично, – ньютер задумчиво смотрел на него, играя украшенной бриллиантами цепью, что обвивала его шею. Затем он выдвинул ящик стола, достал небольшой заостренный стержень и гибкую белую пластинку. Ручка и лист для письма, догадался Роман.

– Твое имя? – спросил Хончо. Тонкий, похожий на иглу стержень навис над пластиной. Однако прежде, чем Роман успел ответить, ньютер поднял палец. – Погоди. Раньше, чем мы начнем, хочу кое-что продемонстрировать тебе. Ты знаешь, что такое ложь?

Роман кивнул.

– Солги.

Брови Романа удивленно поползли вверх и ньютер повторил:

– Произнеси ложь. Утверждение, заведомо не соответствующее истине.

Разведчик усмехнулся.

– Я – президент земли.

Откуда-то из-под кресла донесся негромкий звон, а две лампочки, вмонтированные в подлокотники, замигали. Усмешка Романа завяла. Детектор лжи! Это может сильно осложнить дело.

– Кажется, ты все понял, – негромко сказал Хончо. – Ну, а теперь, как твое имя? Настоящее имя?

– Роман Гилев.

Снова звонок и две мерцающие вспышки. Роман нахмурился.

– Что за чертовщина! Меня зовут Роман Гилев. Я сказал правду!

Негромкий звон и вспышка.

– Ты ошибаешься, – ньютер покачал головой. – Готов согласиться, что ты действительно был Романом Гилевым, но с данного сегмента хроноса ты – Мазда, ТОТ, КТО ПРИДЕТ К НИМ. Не забывай об этом.

Полу открыв рот, Роман беспомощно уставился на ньютера. Он чувствовал себя как кролик, угодивший в капкан.

– Ты – Мазда, – повторил Хончо. Ты – бог, принявший облик гомида. После миллионов хроносов ожидания пророчество исполнилось, ТОТ, КТО ПРИДЕТ – пришел! – Хитрая усмешка скользнула по лицу ньютера, глаза заблестели. – Теперь, – добавил он, – я получил своего бога. И волен распоряжаться им так, как захочу.

http://tl.rulate.ru/book/22670/482781